

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 20.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, мая 17-го.

Содержаніе: Значеніе Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, какъ источника христіанскаго ученія о вѣрѣ и жизни.—Замѣтка о томъ, не стоитъ ли въ противорѣчїи практика настоящая, по которой проповѣдуютъ въ церквахъ міряне, въ частности воспитанники духовно учебныхъ заведеній, съ 64-мъ правиломъ Трулльскаго собора.—Нѣсколько замѣчаній бывшаго присяжнымъ засѣдателемъ въ окружномъ судѣ.—Примѣчанія къ Апостолу въ обличеніе штундистовъ и подобныхъ имъ сектантовъ (продолженіе).—Замѣтка.

Значеніе Свящ. Писанія Ветхаго Завѣта, какъ источника христіанскаго ученія о вѣрѣ и жизни.

Православная Церковь источникомъ вѣроученія и нравственнаго ученія признаетъ Свящ. Писаніе и Священное Преданіе. При этомъ, къ составу Свящ. Писанія Православная Церковь относитъ книги новозавѣтныя и ветхозавѣтныя, усвоивъ тѣмъ и другимъ одинаковую богодухновенность и обязательное значеніе. Отъ ученія церковнаго въ этомъ уклоняются сектанты-рационалисты, каковы, напр., штундисты. Какъ извѣстно, они считаютъ источникомъ вѣроученія только одно Свящ. Писаніе, совершенно отвергая значеніе Преданія. Кромѣ то-

го, и изъ книгъ Свящ. Писанія штундисты усвояютъ обязательное значеніе только книгамъ новозавѣтнымъ. Къ книгамъ же ветхозавѣтнымъ они обращаются вообще рѣдко, а въ тѣхъ случаяхъ, когда приводятся изъ этихъ книгъ мѣста, обличающія ихъ лжеученія, они обыкновенно заявляютъ, что „ветхое уже прошло“,—„отмѣняетъ первое, чтобы поставить второе“ (Евр. 10, 9). Спрашивается, справедливо-ли это сектантское отрицаніе значенія ветхозавѣтныхъ свящ. книгъ, и на какомъ основаніи Православная Церковь усвояетъ этимъ книгамъ значеніе, равное значенію книгъ новозавѣтныхъ?

Свой ложный взглядъ на значеніе ветхозавѣтныхъ книгъ сектанты, какъ извѣстно, оправдываютъ ссылкой на такія мѣста Свящ. Писанія Новаго Завѣта, въ которыхъ говорится объ отмѣнѣ ветхозавѣтнаго. Такихъ мѣстъ есть нѣсколько. Но прежде всего мы должны отмѣтить то, что ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ нѣтъ рѣчи объ отмѣнѣ или упраздненіи всѣхъ *Писаній* ветхозавѣтныхъ, а говорится только о законѣ ветхозавѣтномъ. Затѣмъ, ближайшее разсмотрѣніе изреченій новозавѣтныхъ о законѣ приводитъ къ заключенію, что и законъ этотъ отмѣненъ не всецѣло. Въ посланіи къ Евреямъ ап. Павелъ говоритъ, что *отмѣненіе прежде бывшей заповѣди бываетъ по причинѣ ея немощи и бесполезности* (7, 18). Соотвѣтственно этому, и изъ заповѣдей Моисеева закона отмѣнены только тѣ, которыя оказались ненужными для людей, живущихъ подъ благодатію. Такъ, по свидѣтельству кн. Дѣяній, апостолами на соборѣ въ Иерусалимѣ признана необязательной для христіанъ ветхозавѣтная заповѣдь объ обрѣзаніи и другія обрядовыя предписанія Моисеева закона. Въ посланіи, составленномъ на этомъ соборѣ и отправленномъ къ вѣрующимъ, св. апостолы возвѣщали: *угодно Святому Духу и намъ не возлагать на васъ никакого бремени больше сего необходимаго—воздерживаться отъ идоложертвеннаго и крови, и удавленныя, и блуда, и не дѣлать другимъ того, чего себѣ не хотите* (Дѣян. 15, 28—29, ср. 24). Подобно этому, и св. ап. Павелъ признаетъ отмѣненной для

христіанъ заповѣдь объ обрѣзаніи и порицаетъ ихъ за соблюденіе іудейскихъ праздниковъ. *Если вы обрѣзываетесь, пишеть онъ къ Галатамъ, не будетъ вамъ никакой пользы отъ Христа (5, 2—3). Для чего... наблюдаете дни, мѣсяцы, времена и годы (4, 9—10)?* Въ посланіи къ Колоссянамъ тотъ же св. апостоль считаетъ излишними для христіанъ ветхозавѣтныя заповѣди о пищѣ и праздникахъ *Итакъ никто да не осуждаетъ васъ за пищу, или питіе, или за какойнибудь праздникъ, или новомѣсячіе, или субботу (2, 16—17).* Объ отмѣнѣ ветхозавѣтнаго закона идетъ рѣчь у ап. Павла и въ посланіи къ Евреямъ (10, 9), въ словахъ: *отмѣняетъ первое, чтобы постановить второе.* Но если прочесть всю главу, въ которой находятся приведенныя слова, то будетъ очевидно, что въ нихъ св. апостоль имѣетъ въ виду не весь собственно ветхозавѣтный законъ, а только заповѣди о жертвахъ. Такъ какъ жертвы ветхозавѣтныя не очищали отъ грѣха, а только напоминали о немъ, то онѣ и потеряли свое значеніе, когда Христосъ принесъ въ жертву за насъ Тѣло Свое. Въ томъ же посланіи къ Евреямъ св. апостоль говоритъ объ отмѣнѣ ветхозавѣтныхъ постановленій о священствѣ и предписаній, связанныхъ съ этими постановленіями (Евр. 7, 11—12 и дал.).

Выясняя причину отмѣны указанныхъ постановленій ветхозавѣтныхъ, ап. Павелъ обращаетъ вниманіе на то, что законъ былъ дѣтководителемъ ко Христу (Гал. 3, 24), данъ былъ для того, чтобы воспитывать еврейскій народъ и готовить его къ принятію Обѣтованнаго Искупителя. Но всякому воспитываемому человѣку даются извѣстныя правила, которыя теряютъ свою силу, когда время воспитанія кончается. Такъ было и съ еврейскимъ народомъ, и потому нѣкоторыя предписанія, съ пришествіемъ Христа и съ окончаніемъ времени дѣтководительства народа, утратили свое значеніе.—Въ другомъ мѣстѣ своихъ посланій ап. Павелъ даетъ понять, что изъ ветхозавѣтнаго закона потеряло значеніе еще и то, что имѣло характеръ прообразовательный, что напоми-

пало избранному народу о грядущемъ Мессіи. *Это тѣнь*, говоритъ св. апостоль о ветхозавѣтныхъ предписаніяхъ, *а тѣло во Христѣ* (Кол. 2, 17), и потому—должны мы заключать изъ словъ апостола—съ пришествіемъ Христа, праздники ветхозавѣтные, бывшіе прообразами Христа, и установленія о пищѣ, отмѣнены.

Но уже изъ приведенныхъ изреченій ап. Павла ясно видно, что не весь ветхозавѣтный законъ потерялъ свое значеніе,—этотъ законъ состоялъ не изъ однихъ только прообразовъ и не изъ такихъ только правилъ, которыя обязательны лишь на время воспитанія. Извѣстно, что многія правила, внушаемыя воспитываемому, остаются для него обязательными и послѣ окончанія времени воспитанія. Такъ и въ законѣ ветхозавѣтномъ, съ отмѣною однихъ предписаній, другія должны были остаться обязательными и для христіанъ. Что дѣйствительно не весь ветхозавѣтный законъ потерялъ для насъ свое значеніе, это видно изъ нѣкоторыхъ ясныхъ изреченій новозавѣтныхъ книгъ. Прежде всего, Самъ Господь Іисусъ Христосъ въ нагорной проповѣди говоритъ: *не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ или пророковъ; не нарушить пришелъ Я, но исполнить* (Матѣ. 5, 17). Господь Іисусъ Христосъ только *исполнилъ* 1) законъ, дополнилъ, усовершенствовалъ его. Но всякое дополненіе и усовершенненіе не только не означаетъ разрушенія или отмѣны *всего* существующаго, напротивъ, предполагаетъ сохраненіе части усовершеншаемаго и восполняемаго; поэтому, Господь и говорить, что

1) Въ греческомъ текстѣ въ данномъ мѣстѣ стоитъ глаголь *πληρῶω*, который означаетъ, во первыхъ, исполнять, осуществлять на дѣлѣ, во вторыхъ, дополнять, усовершенствовать. Въ Матѣ 5, 17 глаголь исполнить употребленъ по отношенію къ *закону* и къ *пророкамъ*. Пророковъ Спаситель исполнилъ въ томъ смыслѣ, что осуществилъ ихъ предсказанія, явился учителемъ и посредникомъ Новаго Завета. Законъ же Онъ *дополнилъ*, такъ какъ *осуществилъ* его во время изложенія нагорной проповѣди (изреченіе, очевидно, относится только къ этому времени) Онъ, конечно, не могъ.

Онъ не пришелъ нарушить законъ. И неоднократно Господь Иисусъ Христосъ выставлялъ на видъ высокое достоинство этого закона и училъ своихъ послѣдователей соблюденію нѣкоторыхъ заповѣдей закона. Такъ, Онъ обличалъ книжниковъ и фарисеевъ за то, что они нарушаютъ ветхозавѣтныя постановленія. *Зачѣмъ вы преступаете заповѣдь Божию ради преданія вашего? Ибо Богъ заповѣдалъ: почитай отца и мать; и злословящій отца или мать смертию да умретъ* (Исх. 20, 12, 21, 16). *А вы говорите: если кто скажетъ отцу или матери: даръ Богу то, чѣмъ бы ты отъ меня пользовался, тотъ можетъ и не почитать отца своего, или мать свою* (Матѳ. 15, 4—6). Богатому юношѣ, спрашивавшему о пути къ вѣчной жизни, Господь Иисусъ Христосъ сказалъ: *если хочешь войти въ жизнь вѣчную, соблюди заповѣди*, и при этомъ указалъ на заповѣди, находящіяся въ законѣ Моисеевомъ (Матѳ. 19, 16—19). Подобно Господу Иисусу Христу, и ап. Павелъ указываетъ неоднократно христіанамъ на необходимость соблюденія ветхозавѣтныхъ заповѣдей десятизаконія (Римл. 13, 9. Ефес. 6, 2—3).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что не весь ветхозавѣтный законъ потерялъ для насъ силу. Въ данномъ случаѣ намъ нѣтъ нужды перечислять то, что сохраняетъ въ ветхозавѣтномъ законѣ обязательность и для христіанъ. Замѣтимъ только, что свв. отцы учатъ объ этомъ такъ: „Господь (Иисусъ Христосъ) естественныя заповѣди закона, которыми человекъ оправдывается и которыя до законодательства соблюдали оправдывавшіеся вѣрою и угодившіе Богу, не разрушилъ, но распространилъ и исполнилъ“. Приготовляя человека къ этой жизни, Господь Самъ изрекъ ко всѣмъ одинаково слова десятизаконія и потому они остаются также и у насъ, получивъ чрезъ плотское пришествіе Его расширеніе и приращеніе, а не разрушеніе 1). Но если ветхозавѣтный законъ не весь

1) Св. Иринея Лионскій, противъ ересей 4, 13—16. Ср. еще: естественныя заповѣди закона общи намъ и имъ (іудеямъ); у нихъ началось начало и происхожденіе, у насъ приращеніе и восполненіе.

потерялъ для насъ свое значеніе, то уже по этому одному мы не можемъ отрицать, какъ поступаютъ сектанты, обязательность для себя ветхозавѣтныхъ писаній и не имѣемъ права ссылаться на указанные выше мѣста, гдѣ идетъ рѣчь объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ветхозавѣтныхъ установленій.

Но допустимъ даже, что ветхозавѣтный законъ потерялъ для насъ значеніе въ *цѣломъ объемъ своемъ*. Спрашивается: можемъ-ли мы на этомъ основаніи отрицать обязательную для насъ силу ветхозавѣтныхъ писаній? Несомнѣнно, нѣтъ. Прежде всего, должно имѣть въ виду, что, кромѣ изложенія закона, въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ содержатся еще пророчества объ Иисусѣ Христѣ и основанной Имъ Церкви. Эти пророчества стоятъ въ такой неразрывной связи съ открытіемъ новозавѣтнымъ, что, признавая послѣднее, мы не можемъ не признавать первыхъ и не можемъ къ нимъ не обращаться. Не слѣдуетъ упускать, что въ книгахъ Моисеевыхъ, гдѣ изложенъ ветхозавѣтный законъ, кромѣ отмѣненныхъ и замѣненныхъ заповѣдей, содержится много такого, что необходимо намъ знать и что не изложено въ другихъ книгахъ. Напр., исторія творенія міра, происхожденія чело-вѣка и его грѣхопаденія,—исторія, безъ знанія которой мы не можемъ понять необходимости искупленія и его значенія,—представлена въ Пятокнижій. Поэтому, если бы законъ ветхозавѣтный и былъ отмѣненъ всецѣло, то Пятокнижіе все-таки не перестало бы служить намъ источникомъ вѣроученія. Да и въ самомъ изложеніи законовъ обрядовыхъ, потерявшихъ обязательное значеніе для христіанъ, мы постоянно встрѣчаемъ указаніе на важнѣйшія истины нашей вѣры,—истину бытія Божія, Его всемогущества, правосудія и т. д. Все это показываетъ, что ветхозавѣтныя *писанія*, даже и при отмѣнѣ Моисеева закона, не могли бы потерять для христіанъ обязательнаго значенія.

Кромѣ изложенныхъ соображеній, обязательное значеніе для христіанъ ветхозавѣтныхъ книгъ видно изъ многихъ прямыхъ и ясныхъ указаній свящ. писателей Нового Завѣта.

Мы должны обращаться къ ветхозавѣтнымъ книгамъ и черпать изъ нихъ ученіе вѣры и нравственности прежде всего потому, что къ этимъ книгамъ обращался Самъ Господь Иисусъ Христосъ. Во время земной жизни Господа Иисуса Христа у іудеевъ писанія ихъ имѣли высокое значеніе. Іудейскій историкъ Іосифъ Флавій, современникъ апостоловъ, сообщаетъ, что никто изъ іудеевъ не могъ рѣшиться сдѣлать въ этихъ писаніяхъ какую-либо перемѣну. Всѣ смотрѣли на нихъ, какъ на ученіе божественное, и готовы были, если бы понадобилось, и умереть за нихъ. „Вмѣстѣ съ молокомъ матери“, говоритъ Іосифъ Флавій, „іудей пріобрѣтаетъ склонность разсматривать всѣ свои 22 книги, какъ заповѣди Божіи, которыхъ нужно держаться и за которыя нужно быть готовымъ принять самую смерть“. Если бы это уваженіе было не справедливымъ, если бы Господу Иисусу Христу угодно было, чтобы Его послѣдователи не обращались къ ветхозавѣтнымъ книгамъ, то Онъ, несомнѣнно, опровергъ-бы іудейскій взглядъ на эти книги. Однакоже мы видимъ, что Иисусъ Христосъ не только не сдѣлалъ этого, а цѣлымъ рядомъ свидѣтельствъ утвердилъ высокое значеніе ветхозавѣтныхъ книгъ. По ученію Спасителя, ветхозавѣтныя писанія имѣютъ такое значеніе, что кто не признаетъ силы этихъ писаній, тотъ не можетъ вѣровать истинно и въ Самого Господа Иисуса Христа. *Если-бы вы, говорилъ Онъ жестоковѣрнымъ іудеямъ, вѣрили Моисею, то повѣрили-бы и Мнѣ, потому что онъ писалъ о Мнѣ. Если же его писаніямъ не вѣрите, какъ повѣрите Моимъ словамъ* (Іоан. 5, 46—47)? Поэтому, въ бесѣдахъ съ учениками и съ народомъ Иисусъ Христосъ обыкновенно доказывалъ свое божественное посланничество изреченіями изъ ветхозавѣтныхъ книгъ. Такъ, когда по воскресеніи Своемъ Онъ явился путникамъ эммаусскимъ, ихъ сомнѣнія Онъ опровергъ оружіемъ ветхозавѣтныхъ писаній. *И, начавъ отъ Моисея, повѣствуетъ ев. Лука, изъ всѣхъ пророковъ изъяснялъ имъ сказанное о Немъ во всемъ Писаніи* (Лук. 24, 27). Нѣсколько позже, явившись ученикамъ,

собраннымъ въ горницѣ Иерусалимской. Спаситель также убѣждалъ ихъ въ своемъ божественномъ посланничествѣ изреченіями ветхозавѣтныхъ Писаній. *И сказалъ имъ: вотъ то, о чемъ Я вамъ говорилъ, еще бывъ съ вами, что надлежитъ исполниться всему, написанному о Мнѣ въ законъ Моисеевомъ, и въ пророкахъ, и псалмахъ. Тогда отверзъ имъ умъ къ разумѣнію Писаній* (Лув. 24, 44—45). Въ другомъ случаѣ Спаситель называетъ ветхозавѣтныя Писанія богодухновенными. *Какъ же Давидъ, спрашиваетъ Онъ книжниковъ, по вдохновенію называетъ Его (Христа) Господомъ, когда говоритъ: сказалъ Господь Господу Моему: сяди одесную Меня, доколь положу враговъ Твоихъ въ подножіе ногъ Твоихъ* (Матѣ. 22, 43—44)? Въ этомъ мѣстѣ составленнымъ по вдохновенію Святаго Духа называется изреченіе изъ книги псалмовъ (Псал. 109, 1). Но разумѣется, слова Спасителя относятся и ко всемъ ветхозавѣтнымъ книгамъ, потому что вездѣ Онъ усволяетъ равное значеніе и псалмамъ, и закону, и пророкамъ (Ср. Лув. 24, 44). Какъ Писаніе богодухновенное, ветхозавѣтное Писаніе, по ученію Господа, *не можетъ разоритися* (Іоан. 10, 35). Такъ какъ это Писаніе представляетъ собою плодъ ума Божественнаго, то въ немъ указанъ путь къ вѣчной жизни. Поэтому всякому, кто ищетъ истиннаго вѣдѣнія, Господь заповѣдалъ изслѣдовать ветхозавѣтное Писаніе. *Изстѣдуйте Писанія, говорилъ Онъ іудеямъ, ибо вы думаете чрезъ нихъ имѣть жизнь вѣчную* (Іоан. 5, 39). Устраненіе этихъ Писаній, невѣдѣніе ихъ, по ученію Спасителя, является причиной и источникомъ гибельныхъ заключеній. Поэтому, когда саддукеи изложили предъ Нимъ свои ложныя понятія о воскресеніи и загробной жизни, Онъ обличилъ ихъ въ невѣдѣніи Писанія и сказалъ: *заблуждаетесь, не зная Писаній* (Матѣ. 22, 29).

Слѣдуя ученію Господа Иисуса Христа, и св. апостолы относились къ ветхозавѣтнымъ писаніямъ съ высокимъ уваженіемъ, признавая ихъ писаніями богодухновенными, видя въ нихъ основу вѣры христіанской, изъ нихъ почерпая обли-

ченія и наставленія. Такъ, св. ап. Петръ въ рѣчи своей, произнесенной въ день сошествія Св. Духа, истинность вѣры въ Иисуса Христа, какъ Бога, доказывалъ словами ветхозавѣтныхъ писаній, указывая на Христѣ исполненіе пророческихъ изреченій (Дѣян. 2, 16—36). Въ своемъ первомъ соборномъ посланіи тотъ же апостоль о пророкахъ ветхозавѣтныхъ говоритъ, что *сущій въ нихъ Духъ Христовъ предвозвѣщалъ Христовы страданія и послѣдующую за ними славу, что ихъ изысканія и изсмѣдованія относились къ благодати, назначенной христіанамъ* (1 Петр. 1, 10—11). Изъ этихъ словъ видно, что ап. Петръ считаетъ ветхозавѣтныя Писанія имѣющими такое же значеніе для христіанъ, какое они имѣли для іудеевъ. И апостоль похваляетъ христіанъ за то, что они обращаются къ пророческому слову. *Мы имѣемъ вѣрнѣйшее пророческое слово; и вы хорошо дѣлаете, что обращаетесь къ нему, какъ къ свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ, доколь не начнетъ разсвѣтатъ день, и не взойдетъ утренняя звѣзда въ сердцахъ вашихъ* (2 Петр. 1, 19). Слово *Господне*, говоритъ ап. Петръ, *пребываетъ въ вѣкъ* (1 Петр. 1, 25). Поэтому, давая наставленія христіанамъ, онъ почерпаетъ ихъ и изъ книгъ ветхозавѣтныхъ. Въ первомъ посланіи своемъ апостоль пишетъ: *по примѣру призвавшаго васъ Святаго, и сами будьте святы во всѣхъ поступкахъ. Ибо написано: будьте святы, потому что Я святъ* (1, 15—16). Въ данномъ мѣстѣ свое наставленіе ап. Петръ основываетъ на изреченіи ветхозавѣтномъ, содержащемся въ Лев. 19, 2.

Подобно Петру, и другой первоверховный апостоль—Павель, показываетъ высокое уваженіе къ ветхозавѣтнымъ Писаніямъ, когда называетъ ихъ *писаніями святыми* (Рим. 1, 2), словомъ *Божіимъ*, которое ввѣрено было іудеямъ (Рим. 3, 2). Ветхозавѣтныя Писанія, по ученію ап. Павла, богодухновенны и могутъ приносить многоразличную пользу. *Все Писаніе*, внушаетъ св. апостоль возлюбленному ученику своему Тимоѣю, *богодухновенно и полезно для наученія, для*

наставленія въ праведности, да будетъ совершенъ Божій человекъ, ко всякому доброму дѣлу приотровленъ (2 Тим. 4, 4). Признавая указанное значеніе за ветхозавѣтными писаніями, ап. Павелъ похваляетъ своего ученика за то, что онъ знаетъ эти Писанія. *А ты пребывай въ томъ, чему наученъ. При томъ же ты изъ дѣтства знаешь священныя писанія, которыя могутъ умудрить тебя во спасеніе вѣрою въ Христа Иисуса* (2 Тим. 3, 15). Въ данномъ мѣстѣ апостоль, можно думать, говорить исключительно о писаніяхъ ветхозавѣтныхъ, такъ какъ во время дѣтства Тимоѳея писанія новозавѣтныя еще не появились.—Признавая, что ветхозавѣтныя писанія могутъ умудрить во спасеніе, ап. Павелъ нѣкоторыя свои предписанія, даваемые вѣрующимъ, основываетъ именно на ветхозавѣтныхъ писаніяхъ. Такъ, давая повелѣніе Тимоѳею оказывать сугубую честь достойно начальствующимъ пресвитерамъ и особенно труждающимся въ словѣ, апостоль прибавляетъ: *ибо Писаніе говоритъ: не заграждай рта у вола молящаго* (1 Тим. 5, 18). Приведенное апостоломъ изреченіе содержится въ книгѣ ветхозавѣтной (Втор. 25, 4). Свою проповѣдь о Христѣ ап. Павелъ также основывалъ на ветхозавѣтномъ Писаніи. По свидѣтельству кн. Дѣяній, апостоль, будучи въ Римѣ, *отъ утра до вечера излагалъ приходившимъ къ нему ученіе о царствіи Божіемъ, приводя свидѣтельства и удостовѣряя ихъ о Иисусѣ изъ закона Моисеева и пророковъ* (28, 23). И во многихъ своихъ посланіяхъ св. апостоль, раскрывая ученіе христіанское, основываетъ его на писаніи ветхозавѣтномъ (см. Гал. 3 гл., Евр. 1—2 и дал.). Этимъ апостоль научаетъ и насъ при раскрытіи ученія вѣры и жизни обращаться къ писаніямъ ветхозавѣтнымъ, какъ истинному Слову Божію.

Итакъ, изреченія Самого Господа Иисуса Христа и св. апостоловъ, а также простыя соображенія разума обнаруживаютъ ложность сектантскаго воззрѣнія на ветхозавѣтныя писанія, какъ писанія, отмѣненныя и не имѣющія обязательнаго значенія для христіанъ. Въ ветхозавѣтныхъ писа-

ніяхъ содержится истинное Слово Божіе, и они должны служить для насъ источникомъ вѣроученія наряду и наравнѣ съ писаніями Новаго Завѣта. В. Рыбинскій.

Замѣтка о томъ, не стоитъ ли въ противорѣчій практика настоящая, по которой проповѣдуютъ въ церквахъ міряне, въ частности воспитанники духовно-учебныхъ заведеній, съ 64-мъ правиломъ Трулльскаго собора.

Трулльскій соборъ 64-мъ своимъ правиломъ постановилъ: „не подобаетъ мірянину предъ народомъ произносить слово, или учить, и тако брати на себя учительское достоинство, но повиноватися преданному отъ Господа чину отверзати ухо *пріявшимъ благодать учительскаго слова*, и отъ нихъ поучатися божественному... Аще же кто усмотрѣнъ будетъ нарушающимъ настоящее правило: на четиридесять дней да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго“ (сравн. 19 прав. того же собора, а также 58 апост. правило). По смыслу 64-го правила Трулльск. собора право учить въ храмѣ во время богослуженія усвоется единственно *пріявшимъ благодать* учительскаго слова; одинъ разрядъ даже лицъ, имѣющихъ посвященіе (діаконы), лишень сего права. Послѣ появленія ереси Арія въ Александріи проповѣдь запрещена была даже для священниковъ. Было время въ исторіи Церкви, когда проповѣдывали и міряне. Это было при апостолахъ; но проповѣдывали по силѣ и подъ условіемъ чрезвычайнаго благодатнаго дарованія, опредѣлявшася въ своей истинности особыми лицами, имѣвшими право *различіе духовъ*. Но практика Церкви апостольской въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ нѣкоторыхъ ея особенностяхъ, не повторяема. Впрочемъ, уже въ то время, къ концу вѣка апостольскаго, проповѣдь была ап. Павломъ, какъ видно изъ его посланій, пріурочена къ кругу правъ и обязанностей служе-

нія пастырскаго. Извѣстны, затѣмъ, споры въ древней Церкви о правѣ проповѣди для Оригена, окончившіеся не въ пользу этого геніальнаго учителя. При этихъ спорахъ защитники Оригена называли было нѣсколько лицъ-мірянъ, которые во второмъ вѣкѣ, какъ сохранилось въ преданіи, съ разрѣшенія епископовъ проповѣдывали; но нужно думать, что это было допущено, какъ исключеніе, въ виду присущихъ этимъ лицамъ чрезвычайныхъ благодатныхъ дарованій, которыя, какъ видно изъ свидѣтельствъ Иринея и другихъ, изрѣдка продолжали проявляться и въ вѣка, непосредственно слѣдовавшіе за временемъ апостоловъ. Этимъ же слѣдуетъ объяснить и проповѣдническую дѣятельность сирскаго „пророка“—пр. Ефрема Сирина, хотя онъ былъ лишь діаконъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ въ объясненіе весьма древняго у насъ въ Россіи обычая дозволять, съ благословенія мѣстнаго епископа, лицамъ, и не обреченнымъ саномъ священства—мірянамъ, получившимъ однакоже основательное богословское образованіе и посвященнымъ въ стихарь, назиданіе вѣрующихъ въ дѣлахъ вѣры и благочестія, проповѣдываніе Слова Божія въ храмѣ за богослуженіемъ. У насъ этотъ обычай ведетъ свое начало изъ Кіева, который въ своей церковной жизни представляетъ издавна много отличительнаго, что заимствовано отчасти изъ церковной жизни средневѣковой Византіи, отчасти стало существовать съ 15 вѣка благодаря близости католичества, а съ 16 вѣка—протестантства и борьбѣ съ ними. Въ свою очередь Кіевъ вліялъ на Великороссію не только въ области научно-богословскаго образованія, но и въ богослужебной практикѣ („Треб.“ Петра Могилы) и вѣроученія символическаго („Православное исповѣданіе вѣры“ того же іерарха). Есть обстоятельства и въ исторіи древней церкви, которыя до нѣкоторой степени оправдываютъ или объясняютъ возникновеніе этого обычая въ сферѣ духовной школы. Какъ извѣстно, въ древнихъ языческихъ ораторскихъ школахъ существовалъ обычай (хорошо извѣстный изъ біографіи свв. Василия Ве-

ликаго и Григорія Богослова), по которому учителя ораторства сами составляли образцы рѣчей и произносили ихъ въ собраніи, а затѣмъ и учениковъ заставляли состязаться въ полномъ собраніи всего ученаго и учебнаго состава своей школы, въ составленіи и произношеніи рѣчей. Таковы сохранившіяся отчасти до нашего времени *μελέται* и *προϋομινασμάτων παραδείγματα* знаменитыхъ риторовъ-Ливанія, Прозерсія и другихъ. Когда у христіанъ завелись свои школы по образцу языческихъ, въ нихъ обучались и ораторству, составленію и произношенію рѣчей съ христіанскимъ уже содержаніемъ, но съ соблюденіемъ лучшихъ правилъ ораторства касательно ихъ внѣшней формы и произношенія. Несомнѣнно, что при этомъ упражнялись не только въ составленіи, но и въ произношеніи рѣчей, и произносились эти своего рода *μελέται* и *παραδείγματα* — опыты сочиненныхъ проповѣдей нерѣдко въ общихъ собраніяхъ школы. Между проповѣдями одного изъ знаменитѣйшихъ христіанскихъ ораторовъ 4-го вѣка — Астерія, еп. Амасійскаго, имѣется „слово объ образѣ св. Евѳиміи“. Достаточно самого поверхностнаго взгляда на это „слово“, чтобы убѣдиться въ томъ, что это произведеніе Астерія очевиднымъ образомъ разнится отъ проповѣдей его. Это, именно, одна изъ христіанскихъ *μελέται* или *προϋομινασμάτων παραδείγματα*, несомнѣнно, произнесенная, но не въ храмѣ, а въ школѣ, — въ собраніи учащихся и учащихся въ ней 1). Позже, когда стали учреждаться школы нарочито духовныя при церквахъ и монастыряхъ, и стали

1) Составитель рѣчи, обращаясь къ слушателямъ, называетъ ихъ *ἀνδρες* — *мужи*; значить, женскій полъ отсутствовалъ при произнесеніи этой рѣчи. Ясно отсюда (помимо прочихъ данныхъ, содержащихся въ рѣчи), что она произнесена не въ храмѣ, а въ школѣ, какъ пробная рѣчь будущаго пресвитера и епископа. Тогда не былъ при училищѣ своего храма; но въ виду апост. 58-го правила едвали-бы эта рѣчь еще ученика-мірянина была произнесена въ немъ, если бы и существовалъ онъ при школѣ.

при нихъ устраиваться свои храмы, легко было придти къ мысли перенести эти упражненія изъ классовъ и училищныхъ залъ въ домашніе училищные храмы, чтобы упражнять воспитанниковъ-богослововъ въ навыкъ къ церковной каедрѣ, будущему ихъ достоянію.

Нѣсколько замѣчаній бывшаго присяжнымъ засѣдателемъ въ окружномъ судѣ.

Намъ пришлось въ теченіе шести дней лицомъ къ лицу стоять съ разнохарактерными преступниками и преступленіями и при томъ съ преступниками изъ крестьянской среды, съ преступленіями, наиболѣе характерными какъ для личности преступниковъ, такъ и для ихъ среды. Мы не были свидѣтелями громкихъ дѣлъ, гдѣ обыкновенно выступаетъ или закоренѣло грубая воля извѣрившагося во всемъ опытного преступника, или такое стеченіе обстоятельствъ, противъ которыхъ злая воля оказывается безсильною, гдѣ дѣйствуютъ и верховодятъ страсти человѣческія, не сдерживаемыя ни умомъ, ни религіознымъ чувствомъ. Предъ нами прошелъ рядъ мелкихъ злодѣяній человѣческихъ, но тѣхъ именно, которыя, хотя и не взволнуютъ міра, всегда могутъ служить нагляднымъ мѣриломъ нравственности извѣстной части общества. На побужденія и обстановку такихъ преступленій необходимо обратить самое серьезное вниманіе. Цѣлый рядъ преступленій совершается, по преимуществу воровство и мелкій грабежъ, юношами, только-что оторванными отъ крестьянской среды, отъ села. Они явились въ городъ сначала на частные заработки, а потомъ, подъ вліяніемъ подонковъ городскихъ жителей, постепенно снисходятъ въ разрядъ „босяковъ“, пока, наконецъ, не превращаются въ мелкихъ воришекъ, для которыхъ тюрьма не только не страшна, но является какъ бы пріютомъ, теплымъ мѣ-

стечкомъ, гдѣ можно отогрѣться, отдохнуть. Такъ постепенно шагъ за шагомъ портится душа человѣческая, такъ незамѣтно человѣкъ доходитъ до полнѣйшаго безразличія въ отношеніи того, что хорошо и что дурно. Этого рода преступники въ высшей степени типичны: ни страха предъ судомъ, ни колебаній въ наказаніяхъ, ни тѣмъ болѣе раскаянія („знать не знаю“), ничего, что бы говорило о мученіяхъ совѣсти, ничего не видно на лицѣ преступника: оно спокойно, даже маловнимательно къ свидѣтелямъ, оно спокойно до того, что невольно уныніе овладѣваетъ при видѣ этого спокойствія у молодого, безусаго преступника, смѣло, иногда нагло и вызывающе созерцающаго судъ. А вѣдь было время, и оно еще не далеко, всего года два—три назадъ, когда этотъ молодой преступникъ, живя въ своей родной крестьянской средѣ, думалъ и чувствовалъ по-христіански, по-братски, по-человѣчески, наконецъ! Вотъ какъ зло быстро овладѣваетъ человѣкомъ!

Не радостнѣе становилось на душѣ, когда предъ судомъ выступала молодежь крестьянская, не воспитывавшаяся еще въ вертепахъ города. Не вѣрилось, глядя на этихъ крестьянъ-преступниковъ, что въ нихъ уже разрушено все дорогое и цѣнное для человѣка, для его жизни. Между тѣмъ, это такъ. Дѣйствительно,—это дѣти нашего простого православнаго народа, но дѣти уже своевольныя, дѣти не труда, а вольной, разгульной жизни, для которыхъ кабакъ, или, какъ обыкновенно на судѣ выражались, „монополія“—родимый пріютъ, темная ночь—другъ сердечный, кровь человѣческая—вода рѣчная, чужая собственность—зло, съ которымъ вужно всемѣрно бороться. И борятся, борятся, не жалѣя своего живота, вовлекая въ свое преступленіе невольныхъ преступниковъ, которые становятся такими только потому, что они не видятъ иного средства самозащиты и защиты своего имущества какъ-только въ видѣ самовольной расправы, доходящей до истязанія, даже до убійства заподозрѣнныхъ въ кражѣ, особенно въ конокрадствѣ. Послѣдній видъ пре-

ступленій въ селахъ разросся до необычайныхъ размѣровъ и нѣтъ пока силы, которая бы остановила это зло. Страшныя картины безчеловѣчія проходятъ предъ судомъ; являются искалечѣнные, какъ свидѣтели, на столѣ предъ судьями—колья и другія орудія битья и истязаній; жаль избитаго, но жаль и избившихъ... А сердце, а духъ, возмущенные всѣмъ этимъ, ищутъ настойчиво объясненій, причинъ всего совершившагося и, быть можетъ, въ ту же самую минуту гдѣ нибудь совершающагося. Свѣту, свѣту истиннаго въ эту тьму, разумѣнія законовъ Божіихъ и человѣческихъ побольше туда, гдѣ нѣтъ ихъ.

Есть еще разрядъ преступленій. Это—грубыя насилія надъ дѣвушками и женщинами. Городъ—всего чаще арена этихъ преступленій, но и село теперь не чуждо этого. Здѣсь звѣрство, низость человѣческой разнузданной природы доходитъ до крайнихъ предѣловъ. И всего печальнѣе то, что большая часть этого рода преступленій, особенно молодыми, совершается подъ вліяніемъ исключительно разнузданности, отсутствія представленій о важности преступленія, о томъ злѣ, которое причиняется другому лицу.

Обращаясь къ обстановкѣ совершаемыхъ преступленій, мы не могли не поразиться крайнею несложностію ея. Съ перваго и почти до послѣдняго дѣла слышалось одно только: пьянъ былъ, не помню ничего; пьянъ былъ, если не преступникъ, то потерпѣвшій. Воровалось и грабилось. Но что достигалось этими преступленіями? Похищеніе 5, 6, 10 рублей, и въ рѣдкихъ случаяхъ послѣдняя сумма достигала до сотенъ рублей. Водка, очевидно, неизбѣжный спутникъ преступленій. Правительство, вводя винную монополію, имѣло въ виду, между прочимъ, и борьбу съ пьянствомъ. Для этого оно приглашаетъ всѣхъ, ревнующихъ о народномъ здоровіи и народномъ просвѣщеніи, подъ руководствомъ и при непремѣнномъ участіи опредѣленныхъ должностныхъ лицъ, принять дѣятельное участіе въ обществахъ трезвости. Насколько извѣстно, эти общества пока слабо дѣйствуютъ въ селахъ,

вообще среди сельскаго населенія. Между тѣмъ, изъ выше-сказаннаго можно видѣть, какую бы великую нравственную пользу они могли принести народу, отъ сколькихъ бы они преступленій освободили его, сколько бы людей спасли отъ тюрьмы и другихъ мѣстъ заключенія. На обязанности пастырей Церкви лежитъ самая упорная борьба съ народнымъ пьянствомъ, такимъ же, если еще небольшимъ, какъ и невѣжество, зломъ. Ихъ дѣятельное участіе въ организаціи обществъ трезвости, въ жизнедѣятельности могло бы принести неисчислимо благіе плоды для жизни пасомыхъ.

М. Гиньвушевъ.

Примѣчанія къ Апостолу въ обличеніе штундистовъ и подобныхъ имъ сектантовъ¹⁾.

Гл. 7, ст. 12. „Съ перемѣною священства необходимо быть перемѣнѣ закона“. Эти слова должно понимать съ ограниченіемъ, сообразно съ словами Иисуса Христа: *не мните, яко приидохъ разорити законъ или пророки, не приидохъ разорити, но исполнити* (Матѳ. 5, 17). Посему необходимо дѣлать различіе между *разореніемъ* закона и его *перемѣною*. Перемѣна можетъ заключать въ себѣ не только не разореніе закона, а даже напротивъ его утвержденіе. Посему то апостоль и говоритъ: *законъ ми убо разоряемъ въпроу? да не будетъ: но законъ утверждаемъ* (Рим. 3, 31). Апостольское слово: *утверждаемъ* равнозначуще Христову слову: *исполнити (приидохъ)*. Въ законѣ содержится, съ одной стороны, требованіе святости и правды Божіей, а съ другой—указаніе, какъ оно, сообразно условіямъ и обстоятельствамъ времени, должно быть выполняемо. Разорался бы законъ Божій въ томъ случаѣ, если бы отмѣнялось и то, и другое; если

1) См. № 19-й за 1898 годъ.

же требованіе остается то же, а путь къ его осуществленію (способъ его исполненія) указывается лучшей, то законъ нельзя считать уничтоженнымъ; божественная и вѣчная сторона его остается та же, а измѣняется лишь временная и какъ бы человѣческая,—и при этомъ измѣненіи требованіе святости и правды Божіей получаетъ еще лучшее и совершеннѣйшее удовлетвореніе: законъ, измѣняясь, не разоряется, но утверждается. Приложимъ это къ предмету рѣчи апостола въ 7-й гл. посланія къ Евреямъ. Вѣчное требованіе святости Божіей состоитъ въ томъ, чтобы было священство, были священники; но законъ Моисея, кромѣ этого требованія заключалъ и указаніе о способѣ его осуществленія, указаніе, соотвѣтствовавшее условіямъ ветхозавѣтнаго времени и заключавшееся въ томъ, чтобы священники были изъ колѣна Левіина, изъ дома Ааронова, чтобы во главѣ ихъ былъ первосвященникъ, Ааронъ и его преемники. Въ Новомъ Завѣтѣ вѣчное требованіе Божіе о бытіи священства осталось то же (а посему и законъ не разоренъ), но всталъ иной, вѣчный Первосвященникъ, по чину Мелхиседека (Первосвященникъ и Царь, см. ст. 1—4), имѣющій „священство непреходящее“ (ст. 24), по силѣ „жизни непрестающей“ (ст. 16), „святой, непричастный злу, отдѣленный отъ грѣшниковъ и превознесенный выше небесъ“ (ст. 26). Разоренъ ли законъ? нѣтъ, онъ утверждёнъ, насколько мы имѣемъ Первосвященникомъ Сына Божія, „навѣки совершеннаго“ (ст. 28).

Подобнымъ образомъ должно разсуждать и о всѣхъ другихъ постановленіяхъ закона Моисеева. Напр., постановленія о жертвахъ заключали въ себѣ, съ одной стороны, основное требованіе святости и правды Божіей, чтобы люди очищали себя жертвами и приношеніями (хотя Богъ, какъ существо вседовольное, не требуетъ *благихъ* нашихъ, ис. 16, ст. 1), а съ другой—частныя указанія объ исполненіи этого требованія чрезъ закаланіе на жертвенникѣ скиніи или храма жертвенныхъ животныхъ и чрезъ приношеніе въ скинію или храмъ плодовъ праведнаго труда (Прит. 3, 9). Въ Новомъ Завѣтѣ

въ исполненіе сего требованія принесена и привосится (въ Евхаристіи) совершеннѣйшая жертва Христова. Чрезъ это также ветхозавѣтный законъ не разорентъ, но исполненъ совершеннѣйшимъ образомъ, слѣдовательно утверждень.

Такъ, должно при свѣтѣ Слова Божія и при руководствѣ Свящ. Преданія различать, что въ Моисеевомъ постановленіи есть непреходящаго и что престало, что было особенностію ветхозавѣтнаго времени и чему указано быть во всѣ времена.

Ст. 18. *Отлаганіе бываетъ прежде бывшія заповѣди за немощное ея и бесполезное.* Этими словами поясняется, въ чемъ состоитъ побудительная причина къ перемѣнѣ закона или заповѣди: заповѣдь является немощною и бесполезною и, какъ сказано далѣе, ст. 19, ничего не доводитъ до совершенства. Какъ понимать эту немощь и бесполезность заповѣди? Конечно, сама по себѣ она свята (Рим. 7, 12), какъ выраженіе всесвѣтой воли Божіей, немощной же и бесполезной является по немощи человѣческой, слѣдовательно, въ той части, которая есть временная и какъ бы человѣческая, стоящая въ связи съ условіями и обстоятельствами жизни людей (8, 3). Конечно, и бесполезность должна быть понимаема здѣсь относительно; если бы заповѣдь была для всѣхъ временъ совершенно бесполезна, то зачѣмъ было бы и давать ее? но она бесполезна въ смыслѣ меньшей ея пользы сравнительно съ тою заповѣдью, которая ее замѣняетъ.

Ст. 23—24. „Тѣхъ священниковъ было много, потому что смерть не допускала пребывать одному. А Сей (Христосъ), какъ пребывающій вѣчно, имѣетъ и священство непреходящее“. Штундисты усмотрятъ въ этихъ словахъ отрицаніе вашего священства, какъ состоящаго изъ многихъ лицъ, и скажутъ, что всякое такое священство упразднено съ явленіемъ Христа, священника единаго и вѣчнаго. Но когда апостолъ говоритъ: „тѣхъ священниковъ было много“, то разумѣетъ первосвященниковъ. Что слово „священникъ“ можетъ быть понимаемо въ смыслѣ слова „первосвященникъ“, это

доказывается не только вообще библейскимъ словоупотребленіемъ (Псал. 109, 4), но и въ частности словоупотребленіемъ 6, 7, 8 и 9 главъ посланія къ Евреямъ, гдѣ Христось именуется то Первосвященникомъ (6, 20; 7, 26, 28; 8, 1; 9, 11), то Священникомъ (7, 3, 11, 15, 17; 8, 4). Кромѣ того „священниковъ“, о которыхъ говорится въ ст. 23, апостоль ясно переименовываеъ первосвященниками въ ст. 27, 28. И въ ст. 23 онъ говоритъ, что только смерть не допускала, чтобы въ Ветхомъ Завѣтѣ священникъ былъ одинъ („смерть не допускала пребывать одному“), а это приложимо только къ первосвященнику, который въ каждое отдѣльное время былъ одинъ и смѣнялся другимъ только за смертію. Напротивъ, священники, подчиненные первосвященнику, были постоянно во множествѣ и раздѣлялись на двадцать четыре чреды. И такъ, если въ словахъ апостола можно усматривать отрицаніе чего либо, то, конечно, ветхозавѣтнаго первосвященничества, которое въ тѣ времена никому изъ людей не могло принадлежать вѣчно (ст. 23), носимо было людьми, причастными грѣху (ст. 27), имѣющими немощи (ст. 28), и которое въ Новомъ Завѣтѣ замѣнилось вѣчнымъ первосвященничествомъ Христа.

Ст. 27. *Не имать (Христось) по вся дни нужды, якоже первосвященницы, прежде о своихъ грѣсахъ жертвы приносяти, потомъ же о людскихъ: сіе бо сотвори единою, Себе принесъ. Къ этому тексту присоединимъ и слѣдующіе, сродные съ нимъ по мысли. Своею кровію вниде единою во святая, вѣчное искупленіе обрѣтый (9, 12). Ниже да многажды приноситъ Себе—единою во кончину вѣковъ, во отманіе грѣха, жертвою Своею явися (25—26). Христось единою принесеса, во еже вознести многихъ грѣхи (28). Освященіе есмы принесеніемъ тѣла Іисусъ Христова единою (10, 10). Онъ едину о грѣсахъ принесъ жертву, всегда съдитъ одесную Бога (12). Единимъ приношеніемъ совершилъ естъ во вѣкъ освящаемыхъ (14). Согласно ли съ ученіемъ апостола о единствѣ жертвы Христовой ежедневное приношеніе въ жертвѣ*

во множествѣ христіанскихъ храмовъ, Тѣла и Крови Христовыхъ въ таинствѣ Евхаристіи? Пребываетъ ли жертва Христова единой, не смотря на многократное и повсемѣстное совершеніе Евхаристіи? Отвѣчаемъ: да, пребываетъ. Единство или тождество жертвы Христовой усматривается изъ слѣдующаго. 1. На Голгоѣѣ и въ многократно совершаемой Евхаристіи пребываетъ одно и то же Приносимое или Приносимый. Въ бесѣдѣ о причащеніи Господь сказалъ: *хлѣбъ, егже Азъ дамъ, плоть Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра* (Іоан. 6, 51). Изъ этого видно, что въ Евхаристіи подъ видомъ хлѣба преломляется и приносится въ жертву та самая Плоть Христова, которая предана была за жизнь міра на голгоѣскія страданія и смерть; не иное бываетъ приносимо на престолѣ алтаря, а иное принесено было нѣкогда на Голгоѣѣ, но здѣсь и тамъ одно приношеніе.— Ап. Павелъ говоритъ, что всѣ мы *отъ едиаго хлѣба причащаемся* (1 Кор. 10, 17). Хлѣбъ Евхаристіи всегда и вездѣ пребываетъ единымъ, ибо существо его составляетъ одна и та же неизмѣнная плоть Христова. Если бы не это невидимое и повсюду единое существо, то апостоль не назвалъ бы хлѣбъ Евхаристіи единымъ, такъ какъ хлѣбъ, какъ дѣло человѣческихъ рукъ, завтра будетъ не тотъ, что сегодня, и въ одномъ храмѣ не тотъ, что въ другомъ (1 Кор. 11, 25—27).

2. Не смотря на совершеніе евхаристійнаго богослуженія различными лицами, приносящимъ жертву Тѣла и Крови пребываетъ единый Христось, священники же бываютъ только видимыми орудіями Его. Что Христось, предавшій Свою Плоть на страданія и смерть, Самъ же передаетъ ее и въ Евхаристіи для вкушенія вѣрующимъ, это усматривается изъ той же бесѣды о причащеніи, гдѣ Господь говоритъ, что Онъ Самъ (а не иной кто) дастъ хлѣбъ жизни, который есть Плоть Его (Іоан. 6, 51 и др.); не иначе поняли Его слова и Іудеи, говорившіе: „какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть Свою Плоть (52)?“ Но если Христось даетъ намъ въ Евхаристіи Плоть Свою для вкушенія, то Онъ же приноситъ ее тогда

и въ спасительную жертву, ибо мы знаемъ, что преподаніе Тѣла и Крови въ этомъ таинствѣ имѣетъ значеніе жертвоприношенія; потому и сказалъ Господь: сіе есть Тѣло Мое, *за вы даемое, за вы ломимое*, сія Чаша Новый Завѣтъ въ Моей Крови, которая *за васъ* изливается (Лук. 22, 19—20; 1 Кор. 11, 24); не сказалъ: вамъ даемое, вамъ преломляемое, какъ если бы хотѣлъ показать только, для кого Тѣло преломляется и дается, но сказалъ: за васъ, желая показать, за кого Тѣло приносится въ жертву. Посему въ Евхаристіи Дающій, Преломляющій, Изливающій (хотя бы и руками священниковъ) есть вмѣстѣ Жертвоприносящій. Да и кто изъ людей, хотя бы и освященныхъ благодатію Св. Духа, осмѣлился бы распоряжаться Плотію и Кровію Христа, если бы не предстоялъ жертвоприношенію Самъ Приносимый?—Итакъ въ Евхаристіи всегда и вездѣ единъ Приносящій, Царь царствующихъ, приходящій заклаться (въ жертву) и датися въ снѣдь вѣрнымъ (слова церк. пѣсни).

3. Штундисты скажутъ намъ: зачѣмъ вы представляете Христа многократно приносящимъ Свое Тѣло и Свою Кровь, если апостоль ясно учить, что Христосъ освятилъ насъ единокрлатнымъ приношеніемъ Своего Тѣла (Евр. 10, 10, 14)? Но и мы признаемъ, что принесеніе Христомъ Своего Тѣла было единокрлатное; Тѣло и Кровь Христа немногokrлатно становятся жертвою о насъ; однако, бывъ принесены единокрлатно, они потомъ не потеряли своего жертвеннаго значенія, которое усвоено было ими во дни спасительнаго для насъ истощанія Сына Божія. Всегда и вездѣ они являются жертвой за насъ. Кровь завѣтная не изсякла на Голгоѣѣ и не безмолствуетъ, а *глаголетъ*, вопіетъ, подобно крови Авеля, только глаголетъ *лучше*, вопіетъ не объ отмщеніи виновныхъ, а объ ихъ прощеніи и помилованіи (Евр. 12, 24). Гдѣ же на землѣ эта ходатайственная Кровь? Нигдѣ, кромѣ Церкви, кромѣ Чаши, въ которой указалъ ей быть Самъ Господь, изрекшій: *сія чаша новый завѣтъ Моею кровію*,—*сія бо есть*

кровь Моя новаго завета (Лук. 22, 20; Матѳ. 26, 28). Такимъ образомъ Тѣло и Кровь Христа принесены въ жертву единократно, но жертвенное или ходатайственное значеніе соединилось съ ними на вѣки, оно неизмѣнно пребываетъ съ человѣчествомъ Христа во всѣхъ положеніяхъ его: сѣдѣть ли оно одесную Отца на престолѣ славы, находится ли подъ видомъ хлѣба и вина на престолѣ храма, преломляется ли, дается ли вѣрующимъ. Въ Евхаристіи Тѣло и Кровь Христа бывають жертвою о насъ не по силѣ новаго ихъ жертвоприношенія, но по силѣ преложенія хлѣба и вина въ Тѣло и Кровь Христа.

Къ уясненію мысли о постоянномъ ходатайственномъ или жертвенномъ значеніи Тѣла и Крови Христа можетъ служить то обстоятельство, что Господь во время установленія Евхаристіи назваменовалъ Свое Тѣло, какъ жертвенное, не однажды и не въ одномъ положеніи этого Тѣла; Онъ сказалъ сначала: *за вы ломимое* (1 Кор. 11, 24), а потомъ: *за вы даемо* (Лук. 22, 19). Выраженіе *за вы*, обозначающее ходатайственное или жертвенное значеніе Тѣла, принадлежитъ ему и тогда, когда оно преломляется, и тогда, когда оно подается; слѣдовательно принадлежитъ ему постоянно, не можетъ быть отнято у него никогда.—Къ этой же мысли приводитъ насъ и то, что въ Вѣтхомъ Заветѣ жертвенное животное не только въ минуту жертвоприношенія считалось и называлось жертвою и святынею, но и послѣ жертвоприношенія, когда остатки жертвы отдавались священникамъ или сѣдались (Лев. 2, 3, 10; 6, 18, 26, 30; 7, 6, 16; 10, 17 и мн. др.). И мясо языческихъ жертвъ называется идоложертвеннымъ въ то время, когда предлагается на трапезѣ (1 Кор. 10, 28).—Посему и Тѣло Христово является жертвою вездѣ, гдѣ оно ни бываетъ, по преимуществу же въ Евхаристіи, гдѣ оно предлагается намъ для вкушенія.

Итакъ, Тѣло и Кровь Христа являются въ Евхаристіи жертвою чрезъ самое пребываніе свое здѣсь, а не вслѣдствіе

того, что они заново приносятся здѣсь въ жертву. Жертвеннаго свойства, усвоеннаго ими во дни истощанія Сына Божія, они не могли и никогда не могутъ утратить. — Жертва Христова едина по предмету приношенія (единъ Приносимый), по Лицу, совершающему приношеніе (единъ Приносящій), и по дѣйствию жертвоприношенія (какъ единообразное приношеніе, продолжающееся въ своихъ послѣдствіяхъ).

(Продолженіе будетъ).

З а м ѣ т к а.

Самоотверженный пастырь. Священникъ села Рижковъ, Могилевской губ., 75-лѣтній старецъ, убѣленный сѣдинами, былъ вызванъ, какъ сообщаютъ газеты, въ сосѣднюю деревню за четыре версты къ крестьянину для напутствія его въ жизнь вѣчную. Когда лошади были уже близъ дома, выскочила съ лаемъ собака, лошади бросились въ сторону и опрокинули возокъ, въ которомъ сидѣлъ священникъ. Старецъ выпалъ и сломалъ себѣ ногу. Крестьяне прибѣжали на помощь и, видя, что священникъ не можетъ ступить отъ сильной боли, стали просить его возвратиться домой. Но священникъ отклонилъ всѣ предложенія и потребовалъ, чтобъ его внесли въ избу. Болѣе получаса пробылъ онъ у изголовья умирающаго и, только исполнивъ свой пастырскій долгъ, возвратился къ своей семьѣ.

(Московск. Вѣд. 1898 г. № 106).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоанникій.

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатать дозволяется. Кіевъ, 23 апрѣля 1898 г.

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., *прот. І. Корольковъ.*

Тип. Петра Барскаго, Крещатики, собств. домъ № 40.